

Только вперед

За несколько дней до двадцатой годовщины начала Великой Отечественной войны на общем собрании работников горбольницы медсестре Елене Ивановне Сахаровой была вручена грамота Президиума Верховного Совета СССР о том, что ее мужу Моченкову Леониду Ивановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

О том, как рос и воспитывался наш земляк-герой, рассказывают его родные. Но за давностью лет их воспоминания скупы. Многие подробности, которые дают возможность представить характер героя, помогают восстановить его письма.

«По-прежнему жив и здоров, вот при свете коптилки, в блиндаже, устроившись на фанерном листе, пишу тебе это письмо под музыку редкой артиллерийской стрельбы, под редкие разрывы вражеских снарядов и свист пуль, которые в блиндаже безопасны» - начинается одно из фронтовых писем Л.И. Моченков. В такой обстановке написано большинство его писем, поэтому они, как и все фронтовые письма, немногословны. Но в них то и дело мелькают слова о чувствах, с какими шел он в бой, коротенькое описание боевого эпизода, воспоминание о мирной жизни. Письма ценны тем, что как бы дают слышать живой голос героя.

Теплые августовские дни. «В такие дни и помечтать не грех, - пишет Л. И. Моченков жене, — особенно здесь, на фронте в минуту затишья, в блиндаже, зарывшись в свежую солому, так приятно пахнущую свежестью созревшего хлеба. В памяти, как на экране, проносится вся жизнь: детство и проказы беспризорной жизни, доходящие до преступления, работа на производстве, в комсомоле, учеба, затем армия, затем встреча с тобой, найденной среди множества таких же курносых, радость совместной жизни... И вдруг все это прерывается...». Так представлял свою жизнь Леонид Иванович Моченков.

Когда он был совсем маленьким, родители его еще до революции переехали из деревни Углы, под самым Череповцом, в Ярославль. Переезд этот не принес в семью счастья. Скоро умер отец. Леонид вместе с сестренкой остались с матерью. Появился отчим. Отныне Леонид был по существу предоставлен самому себе, а потом, когда умерла мать, и вовсе стал беспризорным. Хорошо, что слухи о смерти матери дошли до дяди, который жил в одной из пригородных деревень Череповца. Он поехал в Ярославль и забрал племянника к себе. Леонид учился в школе, потом работал учеником сапожника в арии «Красный Октябрь». Учился он хорошо, ценил школу. Еще когда беспризорничал, велика в нем была жажда знаний, и не без зависти смотрел на мальчишек с ученическими сумками. И дома не отказывался от любого дела: нянчил маленьких ребятишек, ходил подпаском, учился у дяди сапожничать. Как только подошли годы, Леонид подал заявление в комсомол. И в школе, и в обувной артели он был одним из самых активных комсомольцев. Недаром райком комсомола решил его, как одного из лучших молодых производственников, направить пионервожатым в железнодорожную школу № 24.

—Это был пионервожатый с инициативой, с выдумкой, — вспоминает Мария Дмитриевна Бигот, бывший комсомольский работник, ныне директор фабрики «Красный ткач».

Из школы в 1935 году Леонида призвали в армию. Он был направлен в Вологду, в кавалерийскую часть. Его зачислили в учебный взвод на полгода позднее, чем других. Приходилось ему в это время нелегко, надо было догонять товарищей. Но уже скоро Леонид сообщает: «Числюсь ударником боевой и политической подготовки».

Как самому лучшему курсанту учебного взвода ему предложили готовиться для поступления в военно- политическое училище. «Почти все свободное время провожу в

казарме, за книгами. Ведь я сейчас молод. А молод — нажимай на педали, и только вперед! Такое возбужденное состояние, что, думаешь, горы бы своротил». Трудно верится, что пишет это бывший беспризорник. Школа, комсомол, недолгая служба в армии воспитали в нем эту страстную решимость идти только вперед, не взирая ни на какие трудности и препятствия, сделали его убежденным и стойким борцом за новую жизнь.

Осенью 1936 года Леонид был принят в Ленинградское военно-политическое училище имени Энгельса. Вот его первая фотография, присланная из училища. Вместе с товарищем он снят за книгами. На фотокарточке надпись: «Наши отличники». В числе отличников и лучших общественников Леонид шел до окончания училища и как один из лучших был направлен на службу в Монголию. Там и застала его война.

В октябре 1941 года Моченков с частью прибыл под Москву. Первое боевое крещение он принял под Звенигородом. Рота, в которой он был политруком, в этом бою отбила у немцев населенный пункт. «Укрепились ночью, и пошли в разведку, - пишет Леонид. - И здесь я получил ранение».

После госпиталя он был направлен в роту автоматчиков. Рота участвовала в жарких делах. Об этом можно судить по тем скупым намекам и лаконичным описаниям боев, которые встречаются в письмах той поры. «Жив и здоров, - сообщает он в одном из писем, — хотя участвовал в опасных делах». Что это за дела, можно представить по другому письму. «Вчера с группой автоматчиков на танках был в очень интересном бою. Танки, на которых мы сидели, врезались в самую гущу немцев, а мы их поливали свинцом из автоматов. Я лично уничтожил десять гитлеровцев, это только замеченных, а сколько мы их скосили групповым огнем! После этого вместе с пятью красноармейцами захватили 21 пленного. Боем остался доволен. Сегодня под носом у гитлеровцев окопался, а ночью потревожу их непрочный покой».

В одном из боев убили командира роты, и политрук Л. И. Моченков поднял роту и повел ее в атаку, отбив рубеж противника. Об этом его героическом поступке рассказывала специальная листовка, выпущенная в ноябре 1942 года. Поэтому не кажется неожиданным то радостное событие, о котором говорится в одном из писем. «У меня вчера был большой праздник. Член Военного Совета, депутат верховного Совета вручил мне орден Боевого Красного Знамени. Одновременно мне присвоили звание старшего политрука. Теперь постараюсь своими боевыми делами оправдать эту высокую награду».

И он постарался! Когда читаешь его письма, то сама собой возникает мысль, что тот поступок, за который ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, не случаен, а вполне естественен и закономерен. «Только вперед!»— такова линия его поведения. Он постоянно рвется на фронт, на передовую, поближе к врагу. После первого ранения под Москвой он лежал в госпитале в Котельниче. И письма той поры проникнуты желанием как можно скорее вырваться из стен госпиталя на свежий фронтной ветерок. После присвоения звания старшего политрука он был направлен на курсы усовершенствования командного состава. Ему настойчиво предлагали остаться преподавателем на этих курсах, а он подал рапорт об отправлении на фронт.

О глубоком его патриотизме свидетельствует та зависимость, в какую он ставит личные чувства от чувства любви к Родине. Он мечтает о встрече с любимой женой, с матерью (так называл он мать жены), но не мыслит эту встречу иначе, как только после победы. «Я часто, идя в бой—пишет он Лене, — вспоминаю тебя, маму, и сознание того, что у меня есть два человека, близкие сердцу, придает мне новые силы в тяжелые минуты боя. Я чувствую и понимаю, что защищаю вашу жизнь, ваше и свое будущее. Я знаю, что могу погибнуть, но погибнуть за наше общее дело. Предлагали остаться здесь, на курсах. Жду того дня, когда разобьем гитлеровцев и вновь встретимся с тобою на многие годы. Наше будущее должно быть прекрасным. Вот почему я решил пойти на передовую».

После курсов Леонид Иванович командовал отдельным батальоном. Когда освободили одну из деревень, хозяйка дома, где остановился комбат, рассказала ему о том, как издевались над ними гитлеровцы. «Я эти рассказы слушал, сжав кулаки, — пишет он, — для себя сделал вывод, что еще мало уничтожил фашистов. Придется доработать!».

22 апреля 1943 года он пишет, что вечером в лесу под шелест ветвей отметил свое тридцатилетие. «Времени пролетело много, а сделано очень мало. Впредь буду делать больше. Я уверенно смотрю в будущее, которое несет нам победу, и, следовательно, нашу встречу». Но он не знал, что этот день рождения был последним.

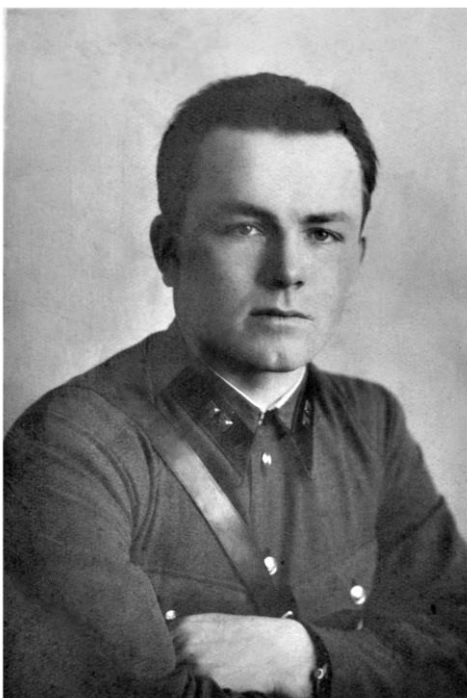
Начались жестокие бои на Орловско-Курской дуге. В конце июля Елена Ивановна вместо очередного письма получила извещение о том, что Леонид погиб смертью храбрых. А на другой день пришло письмо от командира части. В нем сообщалось, что командир батальона Леонид Иванович Моченков погиб как герой. С утра 23 июня завязался особенно упорный бой. Еще утром комбат получил тяжелое ранение в ногу. Но после перевязки покинуть передовую отказался. Он сам повел в атаку свой батальон и выполнял боевую задачу, но уже в конце боя получил ранение в живот и скончался на операционном столе.

«День победы придет скоро, - писал Л. И. Моченков накануне XXV годовщины Октября. — Тогда в кругу друзей вспомним имена лучших людей, отдавших жизнь для того, чтобы лучше жили другие. Сегодня я получил письмо от Ани Глуховой, отец которой был у меня в роте и погиб смертью храбрых. Образ его останется в моей памяти навсегда, как образ победителя». Эта слова героя хочется отнести к нему самому. Его образ - образ бойца и победителя - волнует нас и зовет к жизни, достойной памяти таких, как он.

Викулов В.

Источник:

Викулов В. «Только вперед» // Коммунист -1961 -26 июля -с.3

Леонид Моченков

Юные Ворошиловские стрелки
железнодорожной школы. 1935 год.
Леонид Моченков в первом ряду в центре

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

И политрук Моченков и старшина Федоров с юных лет остались сиротами. Родина заменила им отца и мать, стала их родным домом. Она их приютила, вскормила, вырастила, дала им специальность, открыла дорогу в жизнь.

В грозные дни, когда враг был у ворот Москвы, Моченков прибыл на фронт. Он был политруком роты. В первый же день перед его подразделением была поставлена задача: выбить немцев из селения Кубинка.

Политрук с русской трехлинейкой в руках шел в наступление вперед, а за ним смело двигались бойцы.

Немцы пытались воздействовать на бойцов психически. Выставив вперед грозно сверкающие кинжалы, они шли навстречу во весь рост. Создалось угрожающее положение. Но вдруг бойцы услышали мужественный голос политрука:

— За родину, за Сталина, вперед!

Лавиной двинулись бойцы за своим политруком. Никто не посмел даже оглянуться назад. Вот политрук столкнулся с немецким офицером, выбил из его рук винтовку и вонзил штык ему в живот. Мужество политрука воодушевляло бойцов, придавало им силы. Они бились с врагом смело и решительно. Приказ был выполнен с честью.

С богатым боевым опытом пришел Моченков в роту автоматчиков. Часто рассказывал он бойцам о своей прошлой боевой деятельности, и всегда с особой завистью слушал его рассказы старшина Иван Федоров. В его душе все больше пробуждалось одно единственное желание: стать во всем похожим на своего политрука.

Скоро исполнилось его желание.

— Ну, завтра будешь считать сколько убил фрицев. Пойдешь в бой десантником на танке,—сообщил ему политрук.

— Спасибо, товарищ политрук,—оторопев от радости, еле проговорил старшина.

На рассвете политрук и старшина подошли к танкам. Садясь на танк, Моченков крепко пожал старшине руку и сказал:

— Смотри, не теряй дружбу.

Смысл этой скупой фразы был понят старшиной. Побольше перебить в бою поганых фрицев—вот на что намекал его боевой друг. Сдерживая волнение он произнес:

— Не подкачаю, буду биться так, чтоб заслужить звание коммуниста.

Танк, на котором находился Моченков, набирая скорость, мчался вперед. Вот они, вражеские окопы, вот и показались немцы. Политрук нажал на спусковой крючок автомата и с яростью стал расстреливать ненавистных гитлеровцев. Неожиданно из кустов по танку стал строчить пулемет противника. Мгновение—и пулемет замолк.

Весь расчет перебила граната, искусно брошенная Моченковым.

Продвигаясь дальше Моченков вдруг заметил вражескую противотанковую пушку. Ствол ее зловеще поворачивался в сторону нашего танка. Политрук не дрогнул. Он с силой стал бить кулаком по броне танка. Танкист услышал и понял сигнал. После первого выстрела немецкая пушка взлетела на воздух.

В окопах слышались человеческие голоса.

— Подождите, я сейчас, — бросил политрук на ходу танкистам, а сам направился к окопам вместе с младшим сержантом Гришакиным.

Не успел Моченков пройти и десять метров, как раздался выстрел, пуля свирепо просвистела над его головой. Второй выстрел немецкому офицеру не удалось произвести. Меткая пуля политрука ~~прошила~~ прошила его насмерть. Моченков с Гришакиным метнули в окопы по гранате.

— Сдавайтесь, гады! — крикнул политрук.

Из окопов сперва показались семь пар рук, потом выглянули и перепуганные фрицевские морды.

Недалеко от политрука действовал его боевой друг. Федоров попал на командный танк, который отстал от передних и остановился во ржи. Он соскочил наземь и направился вперед. Немцы его заметили и открыли сильный огонь. Старшину это даже обрадовало. Он обнаружил расположение врага: теперь-то дело будет.

Федоров по-пластунски пополз к вражеским окопам. Он решил действовать „карманной артиллерией“. В окоп полетело несколько гранат. Фрицы стали выскакивать из окопов. Увидев Федорова с автоматом в руках, 10 фрицев подняли руки вверх. Офицер пытался бежать, но его уложила пуля старшины.

Немцы открыли стрельбу из соседнего окопа. Федоров повернулся и метнул туда несколько гранат. Стрельба прекратилась. Еще 12 гитлеровцев выскочили на поверхность и подняли руки. В это время к Федорову подошли Моченков и Гришакин, которые вели семь пленных. Задача была выполнена блестяще. Тремя храбрецами было уничтожено 50 немцев, а 29 взято в плен. Но Федоров не ушел с поля боя.

Старшина с младшим сержантом Гришакиным возвратились в подразделение поздно вечером. За несколько часов они проделали значительную работу. Федоров и Гришакин прогнали из окопов и рассеяли группу немецких солдат, обезвредили три мины, лежавшие на пути наших танков, и принесли трофеи: два пулемета, миномет, 6 автоматов.

— Молодец! Заслужил ты звание коммуниста, боевой друг, — радостно сказал политрук. Он дал ему рекомендацию для вступления в ряды ВКП(б).

За самоотверженность, храбрость, героизм политрук Моченков награжден орденом Красного знамени, старшине Федорову присвоено звание лейтенанта, и он представлен к правительственной награде.

Боевые друзья продолжают попрежнему громить врага. Они уже уничтожили по полсотне фрицев.

Типография газеты „Сталинская правда“.

Статья о Леониде Моченкове в газете «Сталинская правда» (дата неизвестна)

Фотографии из архива музея народного образования Череповца.